

Григорий Сакулин

Кержацкий бунт

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Григорий Петрович Сакулин

Кержацкий бунт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73161258

SelfPub; 2026

Аннотация

1918 год. В России полыхает война между красными и белыми. Жители старообрядческой деревни в Пермской губернии недовольны продразверсткой, которую проводит Советская власть. Старообрядцы прогоняют красный продотряд, но не знают что делать дальше. И тут в их деревне появляется бывший царский офицер.

Григорий Сакулин

Кержацкий бунт

*«Если бы не было раскола 17-го века,
не было бы революции 17-го года».*

И. Солженицын.

Глава первая

Серебряными капельками кое-где еще блестела на траве роса, медленно высыхая под солнечными лучами. По сторонам дороги густо колосилась наливавшаяся зрелостью рожь. В низинах, словно зацепившись за кустарники, еще сидел сизый утренний туман.

По дороге глухо топали конские копыта, скрипели колеса телег, возницы изредка щелкали вожжами, подгоняя лошадей, чтобы те не сбавляли шаг.

На телегах, покуривая самокрутки, по пять-шесть человек с винтовками за спиной сидели бойцы Чердынской уездной ЧК и несколько юрлинских красноармейцев. В последней телеге, задрав круглое толстое дуло, покачивался на кочках пулемет «Максим».

Командир отряда Александр Трукшин – среднего роста худощавый мужчина тридцати двух лет в потертой кожаной комиссарской тужурке, упруго подпрыгивал в седле, направляя своего коня легкой рысью впереди колонны.

Он только что выслал вперед конную разведку. Вдалеке в низине у речушки показалась деревня. Трукшин не исключал возможность засады и поднял правую руку, отдавая колонне приказ остановиться. Бойцы на телегах, побросав сигарки, взяли оружие на изготовку. Трукшин отпустил поводья и стал в бинокль внимательно изучать дорогу, вражескую деревню и окрестности.

Дорога нырнула в глубокий, заросший елками лог, на той стороне круто выскакивала, и затем, чуть петляя, спускалась вправо по покатоному склону к деревне. Слева и справа от дороги простирались обширные, засеянное рожью поля. Вдалеке за речкой синели холмы, густо поросшие вековым хвойным лесом. Деревня словно спряталась в низине между полем на возвышенности и лесистыми холмами за речкой. Можно было подумать, что люди, основавшие поселение, нарочно хотели, как можно лучше укрыться от посторонних глаз.

Трукшин видел в бинокль крепкие избы с большими крытыми дворами, окруженные высокими, почти полностью закрывавшими окна, заплотами из суковатых бревен, добротные амбары и разные строения. Вся деревня по периметру, словно стеной, обнесена таким же крепким бревенчатым забором и похожа на средневековую древнеславянскую крепость. В центре селения виднелся острый деревянный шатер церковной колокольни.

Затем Трукшин увидел своих разведчиков. Те по дороге

благополучно миновали лог, поднялись на его бровку и, придерживая коней шагом, медленно и осторожно стали спускаться с покатога склона холма к деревенским воротам. Противник молчал. Деревня не подавала признаков жизни.

Перед Трукшиным стояла нелегкая задача: ему предстояло вразумить крестьян, восставших против Советской власти.

Неделю назад в деревне Подкиной Юмской волости Чердынского уезда вспыхнул бунт. Началось с того, что в деревню прибыл чердынский продотряд изымать излишки хлеба по плану продразверстки. Подкинцы отдавать хлеб не желали, сурово предложив красным убраться с их земли. Верховодил бунтом старообрядческий поп Григорий Подкин. Подкинцам он был и священник, и староста, и отец родной. В общем, для своей паствы поп Григорий был и царь, и бог, и защитник.

В деревне Подкиной жили старообрядцы. Их предки поселились в этих местах еще пару столетий назад, спасаясь от преследований царских властей за то, что крестились двумя перстами и верили в своего Исуса, не соглашаясь с реформой патриарха Никона. Эти люди сами по себе были скупые да неразговорчивые. Прохожему человеку с никонианским крестом на груди ковш воды просто так не подадут. Воду в ковше сперва обязательно освятят, чтобы не оскверниться. Хлеб для Советской власти староверы даже с обрядом освящения отдавать не собирались. Подкинцы православных сто-

ронились, жили своим укладом. Женились только на единоверках. Табачком старообрядцы не баловались, водочку не употребляли, не сквернословили. Кержаки, одним словом.

Когда продотрядовцы заклацали затворами винтовок, чтобы припугнуть темных несознательных староверов, подкинские крестьяне взялись за вилы и жердины. Чердынцы не успели и выстрела в воздух сделать, как на них навалились угрюмые мужики. Подкинцы отобрали винтовки и здорово намяли бока красноармейцам. Продотрядовцы едва унесли ноги, бросив подводы и оружие. Добравшись до волостного исполкома в селе Юм, чердынцы по телеграфу сообщили в уездный Ревком: так, мол, и так, староверы взбунтовались, подняли оружие против Советской власти, просим выслать на подмогу вооруженный отряд.

Чердынский Ревком поручил Трукшину навести порядок в Юмской волости: либо вразумить несознательных крестьян, хорошенько припугнув штыками да пулеметом, либо карать бунтовщиков по всей строгости революционного времени.

Трукшин состоял в должности начальника уездной ЧК. В феврале 1918 года он в составе лысьвенского отряда Красной гвардии прибыл в Чердынь на помощь местному Совету рабочих и солдатских депутатов.

Уже полгода Александр Трукшин мотался по Чердынскому уезду, железной рукой устанавливая Советскую власть в волостях, наводя страх и ужас на бедняков и середняков, вы-

зывая лютую ненависть у зажиточных крестьян. В северных волостях ему нередко приходилось сталкиваться со старообрядцами, и он уже знал, что из себя представляют эти люди.

Дедов и прадедов подкинцев царские власти за веру били плетьюми нещадно, на дыбах кости ломали, ноздри каленым железом рвали. Но не покорились старообрядцы. Некоторые из них в церквах своих сжигались, чтобы не попасть в лапы слуг антихристовых. Много мук и испытаний прошли эти люди, прежде чем попали в землю обетованную в долине реки Лопвы.

«Суровый народ! Нелегко будет их вразумить», – думал Трукшин.

Его отряд насчитывал двадцать семь бойцов. Больше Трукшин собрать не смог. Остальные сотрудники ЧК находились в северных волостях для поддержания порядка при проведении продрозверстки.

Из Чердыни Трукшин привел свой отряд в волостное село Юм. Здесь он решил остановиться, чтобы выяснить обстановку и дожидаться красноармейцев из Юрлы, выделенных Юрлинским Советом для помощи. Желая избежать ненужного кровопролития, Трукшин хотел предложить старовеерам переговоры и направил в деревню Подкину двух местных милиционеров в качестве парламентаров, надеясь все же договориться по-хорошему с бунтовщиками.

Прошли сутки, но милиционеры не вернулись. Предчувствуя недоброе, Трукшин дал приказ выступить на Подкину.

* * *

Солнце уже провалилось за зубчатую кромку леса, напоследок озаряя багровым светом острые вершины вековых елей. Наступающая ночь, как и положено после Ильина дня, наполнялась сырой августовской прохладой.

На опушке леса, притулившись к старой, покрытой древним мхом елке, чуть скривившись, стояла приземистая рубленая избушка с потемневшими от времени стенами и замшелой крышей. Неподалеку находился такой же старый обветшалый омшаник, в котором когда-то зимовали ульи с пчелиными семьями. На поляне ровными рядами стояло несколько десятков пчелиных домиков. Ульи давно уже пустовали. Пасека была заброшена. Видать, хозяин помер либо недоглядел за пчелами, и те улетели в поисках более благоприятного места для жизни. И люди забыли про пасеку в суматохе революционных событий, нахлынувших в эти места.

Григорий Степанович Ташкинов, накинув на плечи крестьянскую поддевку, вышел из избушки подышать вечерней лесной свежестью. Прохладный воздух звенел от комаров, гулким эхом отдавалась в лесу барабанная дробь дятла. Любуясь закатом, Ташкинов постоял немного, глубоко вдыхая лесные запахи, затем вернулся в избу.

В небольшое подслеповатое оконце избушки проникали последние лучи солнца, тускло освещая убогое убранство

жилища: кривоногий стол, сколоченный из грубых досок, широкую лавку, покрытую старой медвежьей шкурой, печурку, сложенную из неказистого кирпича-сырца. На стене висел старый порванный конский хомут, в углу валялись истоптанные лапти.

Григорий Степанович скрывался на этой заброшенной па-секе от Советской власти. Когда-то Ташкинов был уважае-мым и состоятельным человеком, но ветер Советской власти разметал все его регалии и богатство, как ураган раскидыва-ет ненадежно поставленные крестьянские стога сена.

Ташкинову было тридцать шесть лет. Он родился в дерев-не Комариха Юмской волости в семье зажиточных крестьян. В селе Юм окончил два класса церковно-приходской шко-лы. Несмотря на свое крестьянское происхождение, Григо-рий слыл образованным человеком.

Григорий Степанович улегся на лавку и, закрыв глаза, по-пытался уснуть. Но ему не спалось: донимали комары, и в голову лезли разные мысли.

Почему-то вспомнилось Григорию, как шестнадцать лет назад он был призван в армию. Его служба началась рядо-вым солдатом 2-го пехотного Софийского Императора Алек-сандра Третьего полка. Затем был курс полковой учебной команды и производство в ефрейторы. Когда началась война с Японией, полк, в котором служил Ташкинов, был в полном составе отправлен на фронт. Впереди были бои с японца-ми, поход на Харбин, присвоение звания унтер-офицера. Со

службы Григорий Степанович вернулся после русско-японской войны с погонами прапорщика на плечах и наградами за храбрость.

В Юме все жители от мала до велика гордились героем-земляком. Шутка ли! Ушел парень на службу рядовым солдатом, а вернулся офицером. Стало быть, геройский паря! Волостное земство устроило торжественную встречу Григорию, а его отец закатил пир для именитых односельчан и родственников по случаю счастливого возвращения сына-офицера.

После возвращения с японской войны Ташкинов жил в Комарихе, занимался крестьянским трудом, помогая отцу по хозяйству. Спустя несколько лет он женился на крестьянской девушке из уважаемой зажиточной семьи. Отец помог Григорию построить дом и выделил приличный земельный надел, чтобы сын мог вести самостоятельное хозяйство...

Григорий Степанович вздохнул: будто вчера это было. Как один миг пролетели счастливые годы.

Недолго длилась спокойная жизнь. Началась война с кайзеровской Германией. Как боевой офицер Ташкинов был сразу мобилизован на фронт. Опять были бои, окопы, ранения, награды. В конце 1917 года Григорий Степанович вернулся домой уже в звании штабс-капитана.

По возвращении в родные края Ташкинов был избран в гласные земского собрания Чердынского уезда от Юмской волости и председателем Юмской земской управы.

На фронте Григорий Степанович вступил в партию социалистов-революционеров и стал активным противником монархии. Хотя он и выбился в офицеры, но в душе остался землепашцем, от предков впитав до самого нутра любовь к земле и крестьянской жизни. Ташкинов видел, как тысячами гибнут на войне солдаты-бывшие крестьяне. Зачем пригнали неграмотного мужика на эту, никому не нужную войну? Зачем напитывают русской мужицкой кровью землю Волыни и Галиции? Кому это нужно? Скольких работающих крестьянских рук лишилось государство, сколько вдов и сирот появилось по всей необъятной России-матушке за годы империалистической войны!

...В дверь избышки раздался глухой стук. Григорий Степанович вздрогнул, быстро поднялся с лавки, вытащив из-под медвежьей шкуры револьвер.

– Ваше благородие, откройте! Григорий Степаныч, это я – Василий! – раздался чей-то знакомый голос.

Ташкинов отодвинул щеколду и осторожно открыл дверь. Перед входом в избышку, переводя дух, топтался юмский крестьянин Васька Перебатов. Он только что отмахал верхом пять верст от Юма. Два коня, привязанные к дереву, тяжело раздували бока от бешеной скачки.

– Григорий Степаныч! В Подкиной раскольники восстание против коммунистов подняли! – выпалил Перебатов.

Ташкинов, быстро глянув по сторонам, впустил Ваську в избышку.

– Рассказывай! – коротко приказал Григорий Степанович.

– Вчерась чердынский продотряд в Подкину к староверам нагрязнул с продразверсткой. Раскольники хлеба красным не дали: вилами да дубьем прогнали краснопузых. Красные дали деру в Юм. Сидят теперича в селе – нос боятся высунуть. По слухам, продотрядовцы ждут подмогу из Чердыни. Григорий Степаныч, помочь надо староверам! Выгоним взащей коммуняк проклятых!

Только на мгновение задумался Ташкинов, выслушав Перебатова.

– Васька, скачи в Елогу и собирай всех наших мужиков, – приказал Григорий Степанович. – Надобно подымать волость, покуда красные не очухались. Откопайте схрон с оружием и выдвигайтесь в Подкину. А я махну напрямки через лес к староверам.

– Будет исполнено, ваше благородие! – живо ответил Васька. – Токмо хочу вас предупредить. Еретики энти, то бишь раскольники, мужики пытаные и непужливые. К ним особый подход нужен. Ихний поп Григорий шибко своенравный! С православными, поди, и разговаривать не будет.

– Мне это ведомо! – ответил Ташкинов. – Уж как-нибудь сговоримся с попом с этим. Все ж таки одна у нас цель: прогнать большевиков с нашей земли.

Перебатов отвязал от дерева своего жеребца, быстро вскочил в седло и, хлестнув коня плеткой, скрылся среди разлапистых елок.

Григорий Степанович проверил револьвер, быстро уложил все необходимое в вещевой мешок, подпер избушку палкой, сел на коня, которого привел с собой Перебатов, и направился по известной Ташкинову тропе через лес в сторону деревни Подкиной.

* * *

В России разгоралась гражданская война. В октябре 1917 года в Петрограде власть захватили большевики, вероломно свергнув вооруженным путем Временное правительство Александра Керенского. Народу было объявлено, что свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. В стране появилось новое правительство с непривычным названием Совет народных комиссаров, или сокращенно Совнарком, под председательством Владимира Ленина (Ульянова).

Передовая часть российского общества, не приняв октябрьский большевистский переворот и считая его величайшей национальной катастрофой, решила с оружием в руках бороться с самозванцами. На окраины бывшей империи стали стекаться бывшие царские офицеры, юнкера, студенты, различные представители образованной интеллигенции, которые не эмигрировали из страны, и всякие другие люди, недовольные приходом Советской власти. На Кубани под руководством бывших царских генералов Корнилова, Деникина, Алексеева из добровольцев стала формироваться Добро-

вольческая армия, которая в дальнейшем объединила все антисоветские силы Юга России. На Дону атаман Войска Донского казачий генерал Каледин благословил своих станичников на борьбу с большевизмом.

Так родилась Белая гвардия, название которой, по мнению ее воинов, выражало борьбу светлых сил добра с темными силами зла, заползшими в Россию в лице большевиков, продавшихся германскому кайзеру.

Большевики, в свою очередь, видя, как поднимают голову контрреволюционные силы по всей стране, для защиты молодой Советской республики стали создавать Красную гвардию из рабочих и бывших солдат-фронтовиков. Красный цвет этой армии означал кровь, пролитую в революционной борьбе за счастливую жизнь рабочего класса и всего простого народа.

Зимой 1917-1918 годов два враждующих лагеря уже начали обмениваться первыми залпами, но угли гражданской войны еще только шипели, треска искрами, но не разгорались в полную силу. Масла в огонь подлил, заставив жарко полыхать пламя братоубийственной войны, чехословацкий мятеж.

В мае 1918 года в Челябинске против советских властей поднял восстание чехословацкий корпус, сформированный еще правительством Керенского из пленных чехов и словаков для участия в войне против Германии и Австро-Венгрии. Мятеж взорвал все Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний

Восток, выпустив, сидевшие до сей поры по своим норам, различные антибольшевистские силы.

При военной поддержке чехословаков, как грибы после дождя, стали формироваться региональные правительства, претендующие на преемственность от Российского государства.

Депутаты Государственной Думы последнего созыва, сумевшие вовремя покинуть Петроград, избежав расправы от озлобленного революционного народа, приняли решение о создании на окраинах России своих правительств, так сказать, правительств в изгнании, до которых не дотянулись бы штыки большевиков.

В июне 1918 года в Самаре образовалось правительство с хлестким названием КОМУЧ, которое расшифровывалось как Комитет членов учредительного собрания. Подняв над Самарой красный флаг, точно такой же, как и у Красной гвардии, и собрав немногочисленные отряды офицеров-добровольцев, КОМУЧ начал вооруженную борьбу с большевиками, поставив цель – освобождение Поволжья.

В это же время в Омске с бело-зеленым флагом появилось Временное Сибирское правительство, объявившее ни много ни мало – государственную самостоятельность Сибири. В конце июля отряды Сибирской республики вместе с чехословаками взяли Екатеринбург и нацелились на Пермь.

Вовсю запылал огонь гражданской войны, пожирая Российское государство вместе с многовековой монархией и мо-

лодой неокрепшей демократией, угрожая оставить от бывшей славы страны лишь прах и пепел.

Глава вторая

В храме горячо пахло воском и ладаном. С потемневших икон строго смотрели лики древних святых. Деревенская паства тесно стояла перед аналоем, покорно внимая речи священника.

Отец Григорий с амвона завершал утреню проповедью:

– И сделается антихрист главой над городами, над селами и над округами сел после того, как не окажется никакой главы в селах, городах и округах сельских. Тогда он захватит власть над миром, станет распорядителем мира, начнет властвовать также и над чувством человека. Люди будут верить тому, что он будет говорить, потому что он будет действовать как единодержец и самодержец на погубление спасения. То есть люди, и без того сделавшиеся сосудами дьявольскими, возымеют крайнее доверие к антихристу, сделают его всемирным единодержцем и самодержцем, так как он будет орудием дьявола в последней попытке его истребить Христианство с лица земли.

Находясь в погибели, люди будут думать, что он есть Христос Спаситель и что он содеет их спасение...

...Выпустит Сатана всезлейших чад своих. Эти чада, или духи зла, суть: прелюбодеяние, блуд, мужеложство, убийство, хищение, воровство, неправда, ложь, мучительство...

И повелит Дьявол духам злым, послушным ему, довести людей до того, чтобы люди в десять раз делали бы больше зла, чем раньше. Исполняют всезлейшие чада его сие повеление погибельное и устремятся на уничтожение человеческой природы многообразием беззаконий. От усиленного напряжения и крайней энергией его всезлейших чад погибнет чувственно и мысленно природа человеческая в людях... Деяниями же лукавства своего эти люди превзойдут демонов и будут – один дух с демонами.

Увидит Сатана, что человеческое естество стало лукавее и суетнее, нежели злейшие чада его, весьма возрадуется о том, что зло в человечестве приумножилось, природные свойства человеческие утратились и стали люди лукавее бесов... И вот на антихриста, радующегося при виде человеческого зла, найдет внезапно свыше «меч обоюдоострый», которым он будет поражен. И исторгнется нечистый дух его из преоскверненного его тела.

Со смертью антихриста настанет конец убийству в людях. Каин положил начало убийству, антитип же (антихрист) соделает конец, то есть на нем оно окончится.

Когда же свершится и закончится дело убийства, тотчас же разовьются скрепления небесные и земные... Что будет затем – ведает Бог Един. Мы же ведаем только одно, что истязаны будут дела, содеянные в жизни... – все будут разобраны, чтобы отделились от злых дел дела добрые, как отлучают овец от козлов...

Григорий Подкин строгими глазами оглядел свою паству и громко произнес сильным голосом:

– Братие и сестры! Сатана послал на землю новых слуг своих! В прежние времена слуги антихристовы принимали лик боярский да воеводский, да лики попов никонианских. Но не дал Бог спуститься нечестивому на землю. Выстояла вера истинная! Слава Господу Богу нашему – Иисусу Христу!

Но никак не уймется племя антихристово! Жаждут они крови христианской! Ноне послал Враг рода человеческого на землю слуг своих в образе комиссаров да коммунистов. Опять хотят они искоренить веру Христову! Надели слуги его на шапки свои звезды пятиконечные, чтобы запугать православных. Что есть звезда? Это знак Дявола!

Был светел день, надвинулись тучи, все житие наше мраком покрыли! Как нам спастись от нашествия посланников Сатаны?

Братие и сестры! Спасение в нашей вере! Бог не оставит нас! Давайте же поклонимся Богу! Докажем Богу, что мы принадлежим Ему, а не антихристу. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас...

Пугающе звучал голос священника, мигающими огоньками дрожали свечи, древние лики с икон сурово смотрели на людей.

Паства молча расходилась после проповеди. Мужики хмурились, понимая, что хоть они и прогнали продотрядовцев, но слуги антихристовы в покое их не оставят, а снова

придут, жажда христианской крови.

В храм, сняв картуз и пропуская выходящий народ, несмело вошел молодой деревенский парень.

– Батюшка, дозвожь слово молвить, – низко поклонившись, произнес он.

– Чего тебе, вьюнош? – спросил отец Григорий, спускаясь с амвона.

– Батюшка, мы человека за поскотиной споймали! При нем ривальверт был. Он сказал, что к тебе торопится. Будто он офицер бывший! Из Юма! – сообщил парень.

– Офицер, глаголит? – удивился священник.

Парень закивал головой, переминаясь с ноги на ногу.

– Куды его? К тебе, в храм привести? – нерешительно спросил он.

– Негоже еретика никонианского в храм православный приводить! Я сию минуту сам к нему выйду.

Григорий Подкин важно и неспешно вышел на паперть церкви. Он уже снял с себя стихарь, ризу и все остальное облачение, предназначенное для богослужений, и остался в скуфье и рясе с нательным старообрядческим крестом.

Двое бородатых деревенских мужиков подвели к крыльцу связанного человека. Подкин удивленно воззрился на пленника. На нем суконная крестьянская поддевка, на голове мятый картуз. Но сапоги у него добротные – не мужицкие. Лицо этого человека показалось священнику знакомым.

– Кто ты таков, человеце? И чего тебе надобно в наших

местах? – сурово, нахмутив брови, спросил отец Григорий у пленника.

– Меня зовут Григорий Ташкинов. Я офицер русской армии. Штабс-капитан. Велите развязать меня. У меня к вам важное дело, батюшка! – проговорил тот.

Из-под нависших густых бровей отец Григорий внимательно смотрел на Ташкинова. Под воротом расстегнутой рубахи пленника виднелся никонианский крестик. Подкин узнал бывшего председателя волостной управы, но виду не подал. Времена ноне таковы, что и офицеры стали служить сатанинской большевистской власти.

Григорий Степанович тоже с интересом разглядывал старообрядческого священника и деревянную церковь с необычной шатровой колокольней.

Отец Григорий был невысок, коренаст. Пышная с проседью борода важно курчавится. Длинные волосы на голове расчесаны на две стороны. Близко посаженные к переносице глаза, сверкают умом и проницательностью. На вид Подкину лет пятьдесят.

Раньше подкинские староверы тайно совершали богослужения в домашних моленных, скрывая свою веру от царских властей. Строить старообрядческие храмы им запрещалось.

17 октября 1906 года вышел царский указ «О порядке образования и действия старообрядческих общин». Признал, наконец, царь веру, которая пришла на Русь вместе с крещением князя Владимира. Пришел конец многовековым мукам

православных! Много горя хлебнул народ русский из-за церковного раскола, так как не поняли люди реформ патриарха Никона да царя Алексея Михайловича. Едва не началась тогда на Руси война за истинную веру. Много народу бежало на Урал и в Сибирь, спасаясь от царского преследования. Много верующих было казнено и сослано в далекие остроги за двуперстное крестное знамение.

Благодаря признанию старообрядчества по всей России староверы стали массово строить свои храмы и монастыри. Жители деревни Подкиной, обрадовавшись царскому указу о веротерпимости, тоже возвели свою небольшую деревянную церковь.

– Какое дело у тебя ко мне, человеке? – строго спросил отец Григорий у Ташкинова.

Григорий Степанович чуть помедлил, подбирая слова. Он решил говорить простыми и понятными священнику словами.

– Батюшка, вы одни в Подкиной не продержитесь. Красные все равно вернутся и заставят вас отдать хлеб. А за непослушание и сопротивление расстреляют полдеревни. У меня есть оружие и сподвижники. Предлагаю объединиться для борьбы с красным дьяволом!

Отец Григорий пристально посмотрел на пленника и, усмехнувшись, проговорил:

– А ты не шпиён, мил человек?

Ташкинов с достоинством ответил:

– Я офицер! Хотя и крестьянского сословия! Ни за какие посулы или угрозы не буду служить красным узурпаторам! Погоны офицера заслужил не по рождению, а за кровь, пролитую на двух войнах!

– Кровь, стало быть, проливал за царя-батюшку, – размышляя, произнес отец Григорий.

– Не за царя – за Русь нашу многострадальную! Я противник монархии! Я социалист-революционер!

Сказав это, Ташкинов понял, что совершил промашку. Не надо было признаваться священнику в своих политических убеждениях. Старообрядцы не видели разницы между эсерами и большевиками. Любые революционеры, неважно – социалисты или коммунисты, левые или правые, были для староверов грешниками, безбожниками, разрушителями древней православной веры.

Глаза священника сверкнули праведным гневом.

– Еретик! Пес никонианский! Слуга антихриста! Не бывать тому, чтобы приверженцы истинной православной веры объединялись с Посланниками Дьявола! Прочь! – грозно проговорил Подкин.

– Батюшка, простите! Послушайте! Я недоговорил! Вы меня не поняли... Партия эсеров не противится православию! – пытался исправить неловкую ситуацию Ташкинов.

Но священник уже не слушал.

– Отведите его за околицу и отпустите с миром. Мы не льем человеческой крови. Пусть идет себе, еретик! – прика-

зал мужикам отец Григорий.

Мужики потащили Ташкинова к околице. Из окон домов и через щели заборов старообрядцы украдкой наблюдали, как толкают по улице связанного никонианина. Старухи плели Ташкинову вслед, шепча молитвы и двуперстно крестясь.

* * *

– Черт бы побрал вашего попа! – со злостью сказал Ташкинов, оказавшись за воротами деревни. – Я ему дело говорю, а он уперся в свою веру! Кержак твердолобый!

Мужики его развязали, вернули коня и револьвер.

– Не держи зла на отца Григория, мил человек, – проговорил один из мужиков. – И на нас не держи обиду. Большевики-сицилисты хлеб у нас отобрать хотели, вот отец Григорий на тебя и осерчал.

– А я тебя знаю, – сказал Ташкинову другой мужик. – Я в том разе в Юму был и видел, как с тебя большевики погоны срывали.

Григорий Степанович помрачнел. Вспоминать то, о чем сейчас сказал этот крестьянин, было нелегко. Случилось это весной.

В апреле 1918 года в Юме прибывшими из Чердыни большевиками был организован Съезд солдатских и крестьянских депутатов. Была установлена Советская власть. Участники съезда приняли решение о прекращении полномочий

волостной земской управы, как ненужного и контрреволюционного органа исполнительной власти уже несуществующего Временного правительства.

Григорий Степанович, узнав тогда об этом, надел свой офицерский мундир с погонами и орденами и заявился на Съезд. Он хотел выступить, чтобы объяснить народу незаконность действий большевиков. Но Ташкинову и слова вымолвить не дали. Гришка Овчинников, недавно вернувшийся с фронта, мигнул своим дружкам, и те крепко схватили Григория Степановича за руки. Овчинников, усмехаясь, подошел к Ташкинову и у всех на виду сорвал с него погоны.

Григорий Степанович навсегда запомнил горечь прилюдного унижения. Как посмел этот подлец Гришка Овчинников, дослужившийся лишь до унтера, срывать погоны с боевого офицера? Мужики на съезде молча глазели, не вмешиваясь.

Ташкинов тогда проглотил обиду. «Ничего! – думал он. – Еще поквитаемся! Придет время, будет Овчинников висеть на березе и дрыгать ногами в предсмертной агонии»...

– Мужики! Поймите же вы! Красные вашу деревню в покое не оставят. Кровью обогрят ваши дома! Мой отряд уже движется к Подкиной, чтобы вам помочь. Объединимся и поднимем волость против красной сволочи! Там, глядишь, и соседние волости присоединятся. Прогоним чужаков с нашей земли! Уже по всей России идет борьба с большевизмом! На Дону, в Поволжье, на Урале! – возбужденно гово-

рил Григорий Степанович.

Мужики хмуро молчали, слушая Ташкинова.

– Коммунисты отберут хлеб, скот, жен и детей. Не будет у вас своей земли и хозяйства. Будете рабами, как иудеи в царстве фараона! – продолжал он.

Мужик, который узнал Ташкинова, подумав, сказал:

– Идем с нами. Я тебя огородами к себе на двор проведу. Вечор расскажешь народу про слуг антихристовых. Коли община тебя поддержит, то и отец Григорий перечить не станет.

* * *

Вечером этого дня на деревенской площади у церкви собрались почти все подкинские жители. Пришли крепкие хмурые мужики в посконных рубахах и армяках, седобородые сгорбленные старцы, опиравшиеся на древние посохи, боязливые бабы, закутанные в большие платки, которые закрывали не только голову, но и руки. Прибежали даже деревенские собаки, виляя хвостами, словно тоже желая послушать Ташкинова. Только местные старухи остались сидеть дома, боясь оскверниться от никонианской ереси.

Григорий Степанович с любопытством разглядывал собравшийся народ. Будучи председателем волостной земской управы, ему приходилось решать дела старообрядческих общин, но с жителями этой деревни вот так близко иметь дело еще не случалось.

Мужик, который собрал крестьян, вышел из толпы и сказал, обращаясь к Григорию Степановичу:

– Вот, господин офицер, собрался народ! Говори теперича! Община тебя выслушает.

Ташкинов еще раз обвел глазами подкинцев. Пришломому человеку всегда не так-то просто заручиться доверием у людей в новом, незнакомом для него месте, к тому же у крестьян-старообрядцев, которые никогда не спешат открывать душу незнакомому человеку. Но Григорию Степановичу во что бы то ни стало надо убедить этих людей в необходимости борьбы за святое, на его взгляд, дело. Он собрался с духом и громко обратился к народу:

– Господа крестьяне! Я председатель Юмской земской управы Григорий Степанович Ташкинов. Должно быть, многие из вас меня знают!

Подкинцы на эти слова согласно закивали, еще не догадываясь, для чего в их деревне объявился бывший председатель.

Григорий Степанович продолжал:

– Мы с вам живем в лихие времена... На Русь обрушилось невиданное доселе горе! Власть захватили большевики! Они хотят сделать коммунию... По их лозунгам все будет общее! Не будет у вас своей земли, не будет своего хозяйства... Даже жен и детей собственных не будет! Все заберут коммунисты! Будете жить, как коровы в стаде, и гнуть спину на большевиков. А они будут вас гнать на убой, когда захотят!

Толпа на площади загудела. Заворчали мужики. Зашептали молитвы бабы, крестились испуганно. Задумались седые старцы, опираясь на посохи.

Ташкинов продолжал говорить:

– Большевики искореняют веру Христову, грабят храмы, изгоняют священников и притесняют христиан! И им неважно, как крестятся верующие, двумя перстами или тремя. Большевики не признают любого Бога! Они лишь жаждут власти над всем миром, прикрываясь сказками о светлом будущем для трудового народа! Я прибыл сюда, чтобы предложить вам объединиться для борьбы с коммунистами! Организуем отряд и выгоним большевиков из волости! По всей России идет борьба с Красным Дьяволом! На Дону и в Поволжье русский народ лупит коммунистов. Екатеринбург уже освобожден чешскими войсками. Красные отступают к Перми. Мы с вами не должны сидеть по избам и молча наблюдать, как истекает кровью матушка-Русь! Мы должны помочь нашим братьям, которые на фронтах сейчас борются за свободу России!

Народ на площади притих. Страшны были слова этого офицера. Но еще страшнее было осознание, что на землю прибыло воинство антихристово с сатанинскими пятиконечными звездами на шапках, чтобы искоренить веру Христову и ввергнуть все в ад кромешный. Воистину, как в Святом Писании сказано.

– Скажи, мил человек, может, ты понапрасну народ пужа-

есть? Может, большевики энти, не посмеют к нам сунуться? Наши-то мужики давеча им бока изрядно намяли, – вдруг хрипло произнес один из седобородых старцев.

Ташкинов ожидал такого вопроса и не растерялся:

– Прежде чем ответить, я сам хочу у вас спросить! Скажите, господа крестьяне, почему вы живете в достатке? Почему ваши поля густо колосятся рожью и ячменем? Почему ваши амбары ломятся от зерна? Почему ваши стада сыты и многочисленны?

Толпа молчала, не понимая, куда клонит офицер. Ташкинов открыто поглядел на крестьян и сказал:

– Я вам сам скажу! Вы все живете в достатке, потому как вы народ трудолюбивый, свято чтущий заповеди своей веры. Ваша любовь к труду – это долг перед Богом! Это исполнение Божьей воли! Вы не только трудолюбивые, но и смелые люди! Вам не страшны трудности и невзгоды, потому как от предков вы переняли способность выживать в самых трудных условиях. Ваши деды и прадеды, не соглашаясь с патриархом Никоном, уходили в раскол, бросая обжитые места и селились в этих глухих лесах, начиная свою жизнь заново... Мои предки тоже когда-то были последователями старой веры, тоже бежали в пермскую землю, стремясь найти безмятежное житие... Большевики не оставят вашу деревню в покое. Они понимают, что вы сильны и независимы в своей вере к Богу и не нуждаетесь ни в какой власти. А большевикам не нужны свободные граждане... Им нужны рабы, на поте и

крови которых они хотят въехать в светлое будущее своего лживого коммунизма! Вы у них, как кость в горле! К тому же у большевиков давно текут слюнки на ваши богатые закрома. А раз вы не захотели отдать хлеб добром, то красные заберут его силой!

Над площадью снова повисла тишина. Люди глубоко задумались над словами офицера. Высоко в небе над деревней медленно парил коршун.

– Истина твоя, господин офицер! Мы трудимся не токмо для пропитания себя, своих баб и ребятишек, а также для исполнения воли Божьей, – произнесли седобородые старцы.

Народ наконец загудел, соглашаясь с Ташкиновым. Со всех сторон раздались возгласы:

– Верно офицер говорит... Не дадут нам жизни энти большевики.

– Штой-но теперича будет? Уволокут нас слуги антихристовы в ад кромешный...

– О, Господи Иисусе...

Ташкинов понял, что настал момент сказать самое главное.

– Господа крестьяне! Я призываю вас к борьбе с большевизмом! Берите в руки оружие и вступайте в мой отряд. Только сообща мы сможем одолеть большевиков! – громко проговорил Григорий Степанович.

Народ замолк. Кто-то оглянулся в сторону церкви и по толпе пронесся шепот: «Отец Григорий идет». Ташкинов че-

рез головы крестьян увидел, как по улице к ним шествует священник.

Отец Григорий Подкин направлялся к толпе народа, торжественно опираясь на древний посох. Легкий ветерок развеивал его длинные волосы и полы рясы.

Ташкинов опять забеспокоился. «Как бы поп вдругорядь меня не прогнал. Не силой же оружия мне убеждать староверов», – с тревогой подумал он.

Священник степенно подошел к народу, обвел всех суровым взглядом и произнес:

– Я ведаю, что глаголил вам этот офицер! Что скажете, братие и сестры? Каков ответ ему дадим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.